

>>> Третий год без ВАС >>> Третий год без ВАС >>>

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее – СКЭС) обращается к проблемам применения законодательства о несостоятельности (банкротстве) достаточно часто. За последнее время коллегией был принят целый ряд судебных актов по интересным делам, примечательных тем, что на первый план в них вышли такие категории, как добросовестность, разумность и целесообразность.

Алексей МОРОЗ,
управляющий партнер,
Адвкатское бюро «Эксиора»,
г. Москва



Хозяйственная деятельность должника в конкурсном производстве должна быть оправдана целями процедуры банкротства. СКЭС разбиралась, в каких случаях продолжение производственной деятельности должника может быть оправдано в процедуре конкурсного производства (определения от 29.08.2016 № 307-ЭС14-8417 и № 306-ЭС16-1979). Оба дела были переданы на рассмотрение СКЭС в связи с тем, что расходы, связанные с осуществлением текущей производственной деятельности должника, были отнесены конкурсными управляющими в третью очередь текущих платежей, чем ожидаемо не были удовлетворены налоговые органы, поскольку требования об уплате обязательных платежей учитываются в составе четвертой очереди текущих требований.

В обоих случаях нижестоящие суды исходили из того, что, поскольку собранием кредиторов решение о прекращении хозяйственной деятельности должника не принималось, конкурсные управляющие были вправе осуществлять расходы, связанные с обеспечением такой деятельности. СКЭС с таким подходом не согласилась, обратив внимание на то, что конкурсное производство представляет собой ликвидационную, а не реабилитационную процедуру, и его целью является соразмерное удовлетворение требований кредиторов за счет продажи имущества должника, включенного в конкурсную массу.

Коллегия указала, что положения п. 6 ст. 129 Закона о банкротстве не могут быть истолкованы таким образом, что продолжение деятельности юридического лица – должника в период конкурсного производства оправдано до тех пор, пока иное не установлено собранием кредиторов.

Действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, конкурсный управляющий должен определить стратегию конкурсного производства в отношении должника, в том числе целесообразность дальнейшего функционирования хозяйствующего субъекта, учитывая, в частности, исключение возможности необоснованного простоя имущества, которое может приносить доход в период осуществления мероприятий по его оценке, подготовке к реализации, наличие объективных предпосылок к продаже предприятия как единого имущественного комплекса либо осуществления процедуры замещения активов и т. п. В любом случае срок, в течение которого может сохраняться производственная деятельность должника, должен соотноситься с периодом времени, необходимым и достаточным для выполнения эффективными арбитражным управляющим всех предусмотренных законом процедур, направленных на отчуждение принадлежащих должнику объектов в целях проведения расчетов с кредиторами.

СКЭС обратила внимание на то, что отнесение всех расходов по производству и реализации продукции должника к эксплуатационным платежам и их приоритет перед обязательными платежами противоречат принципам очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов. Такой подход, по мнению СКЭС, фактически легализует схему уклонения от уплаты налогов и создает для должника необоснованные преимущества перед другими участниками рынка, предоставляя возможность на протяжении дли-

тельного времени вести производственную деятельность в процедуре конкурсного производства, не уплачивая обязательных платежей, что недопустимо.

Сформулированные СКЭС правовые позиции соотносятся с изменениями, внесенными в Закон о банкротстве. Так, вступившая в силу с 01.09.2016 новая редакция п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве относит к эксплуатационным платежам должника только коммунальные платежи, платежи по договорам энергоснабжения и иные аналогичные платежи (подп. «б» п. 10 ст. 4 Федерального закона от 23.06.2016 № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»).

Третье лицо, исполняющее обязательство за должника, должно действовать добросовестно. Дважды СКЭС обращалась к вопросам применения новой редакции ст. 313 ГК РФ.

По обстоятельствам одного из дел после обращения кредитора с заявлением о признании должника банкротом третье лицо погасило задолженность должника перед кредитором в части основного долга, перечислив денежные средства на расчетный счет кредитора, и в связи с этим обратилось в суд с требованием о процессуальном правопреемстве.

Арбитражный суд первой инстанции в удовлетворении заявления отказал, сославшись на то, что произведенная третьим лицом оплата порождает встречную обязанность должника перед третьим лицом, при этом возникновение обязательства не влечет правопреемства в процессуальном значении, поскольку при суброгации не происходит замена третьим лицом должника в рамках гражданско-правового обязательства, а возникает лишь встречная обязанность должника возратить уплаченное третьему лицу.

Апелляционный и кассационный суды с такой позицией не согласились, удовлетворив заявление о процессуальном правопреемстве.

В Определении от 16.06.2016 № 302-ЭС16-2049 СКЭС признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций необоснованными.

СКЭС отметила, что положения ст. 313 ГК РФ в новой редакции действительно направлены в том числе на расширение механизмов получения кредитором причитающегося ему по обязательству исполнения, то есть по сути на защиту его прав, однако указанной нормой не может быть дано такое толкование, в результате которого допускалось бы ущемление интересов кредитора против его воли.

В рассматриваемом случае третье лицо погасило требование кредитора лишь в части основного долга, который составлял менее трети от общего размера требований этого кредитора к должнику. Но это лишило кредитора возможности требовать признания должника банкротом, поскольку по смыслу п. 2 ст. 4 и п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве для определения наличия признаков банкротства и в целях голосования на собрании кредиторов учитываются только требования по основному долгу. Таким образом, действия третьего лица по перечислению кредитору суммы основного долга фактически были направлены на принудительный выкуп отдельных прав к должнику в целях получения либо контроля над ходом процедуры банкротства, либо дополнительных голосов на собрании кредиторов без несения дополнительных издержек на приобретение требований по финансовым санкциям.

По сути, третье лицо использовало институт, закрепленный в ст. 313 ГК РФ, не в соответствии с его назначением (исполнение обязательства третьим лицом). Установив в действиях третьего лица явные признаки злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), СКЭС пришла к выводу о том, что отказ кредитора от предложенного третьим лицом исполнения при таких обстоятельствах должен считаться законным, а суброгация – несостоявшейся.

Похожая ситуация стала предметом рассмотрения в Определении СКЭС от 15.08.2016 № 308-ЭС16-4658.

СКЭС обратила внимание на то, что в результате частичного погашения долга его сумма составила лишь немногим менее той, которая является необходимой для введения в отношении должника процедуры банкротства. При этом как до, так и после обращения кредитора в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом с аналогичными заявлениями обращались и иные кредиторы, которым также было отказано во введении наблюдения в отношении должника, поскольку их требования аналогичным образом перед судебным заседанием погашались до размера, составляющего немногим менее 300 000 руб.

По мнению СКЭС, при данных обстоятельствах для судов не могло не быть очевидным, что наличие нескольких требований, которые последовательно частично погасались третьими лицами так, чтобы сумма оставшейся задолженности не могла превысить пороговое значение, явно свидетельствовало о затруднениях с ликвидностью активов должника, о его неплатежеспособности. Суды не могли не учесть, что эти отдельные требования, бу-

дучи немногим менее 300 000 руб. каждое, в совокупности, очевидно, превышали сумму долга, достаточную для введения в отношении должника процедуры наблюдения, в связи с чем суду первой инстанции следовало назначить судебное заседание по совместному рассмотрению указанных требований.

СКЭС также отметила, что, раз предоставляемая кредиторам возможность инициации процедуры несостоятельности является одной из форм защиты права на получение от должника причитающегося надлежащего исполнения, правило о минимальном пороговом значении размера учитываемого требования (300 000 руб.) необходимо рассматривать как разумное ограничение пределов реализации указанного способа защиты. Вместе с тем такое ограничение, будучи обусловленным незначительностью размера требования к должнику, не должно освобождать последнего от введения процедуры несостоятельности при наличии сведений, очевидно указывающих на неплатежеспособность должника, то есть на прекращение исполнения им денежных обязательств (абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве), а также на недобросовестность лиц, вовлеченных в спорные правоотношения.

СКЭС также пришла к выводу о том, что при данных обстоятельствах у суда не могли не возникнуть сомнения относительно добросовестности третьих лиц, действия которых заключались в последовательном частичном погашении требований заявителей по делу о банкротстве. Несмотря на то что ст. 313 ГК РФ предусмотрена обязанность кредитора в определенных случаях принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, СКЭС установила, что в данном случае в действиях третьего лица прослеживаются явные признаки злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), поскольку оно, по сути, не преследовало цели погасить долги предприятия (тем более что финансовые санкции остались также не погашенными), а действовало в целях лишения кредитора статуса заявителя по делу о банкротстве.

Залоговый кредитор вправе частично отказаться от осуществления прав залогодержателя с целью получить право голоса на собрании кредиторов. В Определении от 01.08.2016 № 308-ЭС15-6280(З) СКЭС решала вопрос о том, может ли залоговый кредитор частично отказаться от осуществления прав залогодержателя с целью получить право голоса на собрании кредиторов.

По обстоятельствам этого дела в реестр требований кредиторов должника были включены как обеспеченные залогом требования банка в сумме более 1 млрд руб. В ходе конкурсного производства банк отказался от осуществления прав залогодержателя имущества должника в части требований в размере 264 млн руб. и просил отразить данные требования в реестре как не обеспеченные залогом, а остальные оставить в качестве залоговых.

Арбитражный суд первой инстанции заявление банка удовлетворил, сославшись на то, что, распоряжаясь своими правами по собственному усмотрению, банк вправе выбрать статус залогового или незалогового кредитора. Суд посчитал, что указанное право банк может реализовать в том числе и путем частичного отказа от залоговых прав уже после включения в реестр в качестве залогового кредитора, однако впоследствии возврат статуса залогового кредитора в той части, от которой банк отказался, невозможен.

Постановлением апелляционного суда определение арбитражного суда первой инстанции было отменено, в удовлетворении заявления банка отказано. Суд кассационной инстанции поддержал выводы апелляционного суда.

Отказывая банку в изменении статуса его требований, апелляционный и кассационный суды исходили из того, что банк уже реализовал свое право на включение его требований в реестр и выбрал статус залогового кредитора, в связи с чем повторное обращение с таким же требованием недопустимо. По мнению судов, отказ банка от части прав должен был сопровождаться отказом от определенного объекта залога или его части, чего в данном случае не произошло, и, кроме того, действия банка нарушают права других кредиторов.

СКЭС с мнением судов апелляционной и кассационной инстанций не согласилась, отменив принятые ими судебные акты и оставив в силе определение арбитражного суда первой инстанции.

Сославшись на закрепленные в ст. 1 и 9 ГК РФ принципы беспрепятственного и свободного осуществления гражданских прав, СКЭС указала на то, что наличие у залогодержателя права получить удовлетворение своих требований к должнику за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами не обязывает его действовать именно таким способом, а предоставляет ему возможность действовать по своему усмотрению. Закон не запрещает залогодержателю отказываться от части своих прав, вытекающих из залога (в том числе и частично, освободив от возможных правопритязаний часть стоимости заложенного имущества).

СКЭС отметила, что залоговый кредитор имеет в банкротстве особый (привилегированный) статус, однако Закон о банкротстве, следуя основным началам гражданского законодательства, не запрещает ему отказаться полностью или частично от своих залоговых прав, по существу снизив тем самым по своей воле гарантии удовлетворения своих требований не в ущерб другим кредиторам. Закон допускает также включение в реестр части требований кредитора как обеспеченных залогом и другой части требований того же кредитора – на общих основаниях. При этом такой кредитор не становится обладателем двойного статуса в отношении одного и того же требования.

Включение требований кредитора в реестр не лишает его впоследствии возможности подать заявление о частичном или полном исключении его требований из реестра, но в то же время определение арбитражного суда об исключении требований такого кредитора из реестра лишает его права требовать включения в реестр вновь.

Признаков недобросовестного поведения в действиях банка СКЭС не установила, отметив, что его стремление приобрести статус незалогового кредитора с целью воспользоваться правом голосования на собрании кредиторов не может оцениваться как противоправное, так как участие в принятии решений, отнесенных к компетенции собрания кредиторов, является неотъемлемым правом незалогового кредитора. ■